

Читайте любовно-детективные романы Людмилы Мартовой:

Ключ от незапертой двери
Страсть на грани
Февральская сирень
Высоко над страхом
«Смерть» на языке цветов
Почти семейный детектив
Твоя примерная коварная жена
Встреча по-английски
Чужая путеводная звезда
Когда исчезнет эхо
Бизнес-план счастья
Туман над темной водой
Проклятие брачного договора
Последний штрих к портрету
Тайну прошепчет лавина
Запретные воспоминания
Поместье с привидениями
Стереть из памяти
Каждому по заслугам
Круиз на краю бездны

ПЯТЬ ПОДРУГ

Приворот для Золушки
Судьба зимней вишни
Визитка злой волшебницы
Вакансия третьего мужа
Мой любимый сфинкс
Дьявол кроется в мелочах
Одна смертельная тайна

ДЕТЕКТИВНЫЕ МИРЫ НИКИТЫ ЧАРУШИНА

В Коктебеле никто не торопится
Первый шаг к мечте

ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ БРАТЬЕВ МАКАРОВЫХ

Лунная дорога в никуда
Алая гроздь турмалина
Роковое завещание
Посмотри в ее глаза

КРУЖЕВА СУДЬБЫ СНЕЖАНЫ МАШКОВСКОЙ

Кружевное убийство
Танец кружевных балерин

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Рассвет наступит незаметно
След на весеннем снегу

ЛЕД И ПЛАМЯ АЛЕКСЕЯ ЗУБОВА

Мадам будет в красном
Вишня во льду
Уравнение с тремя неизвестными
Из ледяного плена

СБОРНИКИ РАССКАЗОВ

Игра в убийство
От звезды и до воды
Лоза под снегом

Людмила Мартова

УРАВНЕНИЕ
С ТРЕМЯ
НЕИЗВЕСТНЫМИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Я. Клыга*

Мартова, Людмила.

М29 Уравнение с тремя неизвестными / Людмила
Мартова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-238280-2

Лена Золотарева и ее любимый муж Виктор Дорошин давно не отдыхали без детей. А тут представился случай — юбилей старинного друга Виктора, известного антиквара Эдуарда Киреева. Почему бы не совместить приятное с полезным? А неожиданная находка Лены в антикварном магазине — привлекающая ее внимание картина неизвестного художника — только добавила радости.

Но они и представить не могли, что это начало цепочки неожиданностей. Наутро после банкета найден мертвым юбиляр. Позже оказывается, что кто-то охотится и за другими обитателями усадьбы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-238280-2

© **Мартова Л., 2026**
© **Оформление. ООО «Издательство**
«Эксмо», 2026

*Живопись –
это страстное молчание.*

Гюстав Моро

*Все события вымышлены,
любые совпадения случайны.*

ПРОЛОГ

1910 год

Сосновый бор на высоком берегу, где река Шексна впадает в Волгу, Лиза очень полюбила. Это было единственное место в усадьбе ее дяди, адвоката Гавриила Леонтьева, где она чувствовала себя в безопасности. Занятый своими делами дядя пустых прогулок не любил, считая их напрасной тратой времени.

Няня Ольга Петровна, хорошо осведомленная о некоторых особенностях обитания в усадьбе ее подопечной, этим одиноким прогулкам не препятствовала. Лизу она жалела и старалась устроить ее жизнь хотя бы немножечко счастливее. Нравится девчонке каждое утро после завтрака убежать на высокий берег реки и часами смотреть на воду, так и бог с ней.

Гавриил Павлович, конечно, настаивал, чтобы племянники получали достойное образование и даже во время летних каникул занимались грамматикой, чистописанием и языками, но нужна же детям хоть какая-нибудь свобода. Бедные сиротки, и так им досталось в жизни.

Сидя на усыпанной сосновыми иголками земле, Лиза в задумчивости оглядывалась на стоящий чуть в стороне от ее тайного пристанища двухэтажный барский дом, на

одной линии с которым помещались еще два низких флигеля. Один из них, четырехкомнатный, Гавриил Павлович, приняв опеку над осиротевшими племянниками, выделил им с Петей. Тогда же приставил к ним няню и отдал в гимназию.

Родителей двенадцатилетний Петя и девятилетняя Лиза потеряли год назад, и все это время девочка с так и не утихнувшей тоской вспоминала отцовскую усадьбу Токменево, расположенную в пятнадцати километрах от города на реке Коровке. Ах, какое это было чудесное место! С густыми парками, каскадными прудами, просторным барским домом и добротными хозяйственными постройками.

Усадьбу более шестидесяти лет назад заложил прадед Пети и Лизы, Петр Никитич Токменев, отдавший военной службе четверть века, вышедший в отставку и купивший землю у помещицы Зубаревой. По наследству имение, изрядно разросшееся и облагороженное, перешло к его сыну Петру Петровичу Токменеву, разбившему в усадьбе дубовые, кедровые и липовые аллеи, а также создавшему систему прудов, способствующих осушению болотистой местности. Потом имение досталось его сыну – отцу Пети и Лизы.

Никита Петрович Токменев в девятнадцать лет поступил на военную службу, получил военное образование в Николаевской Академии Генерального штаба, в двадцать восемь возглавил линейный батальон, участвовал в покорении Хивы и Самарканда, а также в Русско-турецкой войне. За храбрость был награжден несколькими орденами и вышел в отставку в звании генерал-лейтенанта.

Женился он только в сорок четыре года, причем супруга его, Варвара Павловна Леонтьева, была сильно младше

мужа. Девятнадцатилетняя красавица влюбилась в генерала, бывшего другом ее отца, без памяти и подарила ему двоих детей – Петра и Елизавету.

В зимнее время года семья жила в Рыбинске, имея там свой дом, а на лето переезжала в родовое имение Токме-нево. Ах, какой там был парк, совсем не то что у дяди!

Пусть и невольно, но, вспомнив Гавриила Павловича, Лиза содрогнулась. Брата матери она боялась до дрожи. Когда четыре года назад скоропостижно скончался батюшка, дядя принял самое горячее участие в судьбе матушки. Организовал похороны на Георгиевском кладбище, поддерживал убитую горем вдову, помог решить хозяйственные вопросы, да только это не помогло. Спустя три года после смерти мужа Варвара Павловна тоже умерла. Как судачили слуги, зачала от тоски, оставив двух детей сиротами.

Гавриил Павлович не без удовольствия стал их единственным опекуном. Дела его, в силу увлечения азартными играми, оказались довольно сильно расстроены. Получив доступ к немалому состоянию сестры и ее мужа, он смог существенно их поправить.

К племянникам он относился как к досадному недоразумению, вставшему между ним и наследством. В отдельный их флигель почти не навещался, посчитав, что няня вполне в состоянии приглядеть за ними. Кормили их нормально, одежду и все необходимое по статусу покупали исправно, что же касается тоски по умершим близким, так от нее могла помереть только такая наивная дурочка, как Варвара Павловна, а дети ничего, вырастут.

Дети и росли, в тепле и сытости, только без любви и нежности. Петя все свободное время проводил не в их флигеле, а в стоящем неподалеку доме управляющего,

охотно передающего барчуку азы управления имением. В этом же втором каменном доме на шесть комнат, две из которых занимал управляющий с сыном, останавливались приезжие, правда, бывало это нечасто. Гавриил Павлович жил замкнуто и гостей не привечал.

Между домами находилась деревянная кладовая, а за ней – каменная конюшня, также вызывавшая большой Петин интерес. Перед главным домом стояла деревянная беседка с лестницей, в которой любил после бани расположиться хозяин имения, а остальная территория была занята парком и садом, пусть и не таким большим и богатым, как в Токменево. В нем росли яблони, а также высаженные ровными тенистыми аллеями серебристые тополя, клены, пихты и кусты сирени.

Ближе к реке раскинулись дубы, липы и те самые сосны, под которыми так любила уединяться Лиза. Она, в отличие от брата, все чаще испытывала на себе внимание дядюшки. Вот только оно ей категорически не нравилось. Гавриил Павлович в последние несколько месяцев стал с Лизой особенно ласков и дышал как-то по-особенному, тяжело, словно у него что-то болело.

Лиза вся сжималась и леденела внутри, когда дядюшка входил в комнату, а уж от его прикосновений и вовсе цепенела. При Пете или няне он никогда к ней не приближался, и Лиза старалась как можно реже оставаться с ним наедине. И уединение свое на берегу реки ценила именно оттого, что здесь не могло оказаться дяди.

Тихий шорох вывел ее из грустных мыслей. Лиза встрепенулась, испугавшись, что все-таки идет дядюшка, но из глубины парка вышел незнакомый ей мужчина лет тридцати, одетый в ослепительно-белую косоворотку, подпоясан-

ную веревкой, черные свободные штаны и картуз. В руке он держал мольберт. При виде Лизы остановился, не ожидая увидеть на берегу реки десятилетнюю девочку, да еще и в полном одиночестве. Приподнял картуз, здороваясь:

– Добрый день, барышня.

– Здравствуйте. — Лиза смотрела во все глаза.

Незнакомец был ладен собой и приятен лицом. Да и вырывавшиеся из-под картуза буйные кудри придавали ему особую привлекательность.

– Вы не против, если я нарушу ваше уединение?

– Ничуть. А вы кто?

– Позвольте представиться, меня зовут Алексей Никаноров. Я студент Училища живописи, ваяния и зодчества. Слышали о таком, барышня?

Лиза отрицательно покачала головой.

– Оно в Москве. А про художников вы что-нибудь слышали?

Лизина маменька любила живопись, а батюшка, потакавший ей во всем, охотно поддерживал это увлечение. И в Третьяковскую галерею в Москву родители Лизу один раз с собой брали. Правда, она тогда была маленькая и быстро устала, но кое-что все-таки запомнила. На нее произвели впечатление картины Васнецова «Аленушка» и «Иван-царевич на Сером Волке», о чем Лиза новому своему знакомому и сказала.

– А я с Виктором Михайловичем знаком, — сообщил художник. — Его младший брат Аполлинарий Михайлович — один из моих учителей. Мне приятно, барышня, что вы его знаете.

– А ваши работы тоже есть в галерее господина Третьякова? — полюбопытствовала Лиза.

– Пока нет, – ответил тот. – Но я уверен, что обязательно будут.

Лиза бы непременно спросила, на чем основана подобная его уверенность, но тут снова послышались шаги, и из парка на берег вышел ее дядя. При виде его Лиза изменилась в лице, и Алексей Никаноров тут же это заметил.

– А, вот ты где? – Художник не сразу понял, к кому именно обращается адвокат Леонтьев, к нему или к девочке. – А я тебя везде ищу. Как разместился? Познакомился уже с моей племянницей?

Так, значит, все-таки к нему. А девочка, выходит, его племянница. И отчего же, спрашивается, она так сильно боится своего дядю? Насколько знал Никаноров, Гавриил Павлович был добрейшей души человеком. К примеру, в его, Алексея, судьбе он принял самое деятельное участие. Будучи постоянным покупателем в лавке его отца, Леонтьев первым заметил, что в рисунках молодого человека что-то есть, и настоятельно рекомендовал отдать мальчика учиться.

Окончив церковно-приходскую школу, Алексей поступил в уездное училище, попутно постигая под присмотром строгого отца торговое дело. Учеба в художественной школе была уже делом прошлым. Так и стоять бы ему за прилавком, если бы Гавриил Павлович не уговорил Никанорова-старшего отпустить сына в Москву, попытать счастья. В двадцать два года Алексей уехал в большой город, где блестяще сдал экзамен по рисунку и был зачислен в Училище живописи, ваяния и зодчества. В наставники он получил не только уже упомянутого в разговоре с девочкой Аполлинария Васнецова, но и Валентина Александровича Серова, Константина Алексеевича Коровина и Леонида Осиповича Пастернака.

С тех пор прошло уже семь лет, в течение которых Алексей продолжал оттачивать свое мастерство художника. Чтобы не сидеть на шее отца, и так считавшего его художества пустой затеей, в свободное от учебы время он подрабатывал созданием частных портретов, для чего в это лето и был приглашен в усадьбу своего благодетеля адвоката Леонтьева, решившего увековечить собственный образ.

Из Москвы Алексей приехал накануне вечером, ночь провел в отчем доме, а уже с утра явился в имение Леонтьева, чтобы провести тут за работой около месяца. Помимо портрета Гавриила Павловича он намеревался написать еще несколько пейзажей, благо природа тут красивейшая, но случайная встреча с племянницей адвоката внесла коррективы в его первоначальные планы.

Девочка была не просто очаровательной. Ее ясное личико с бездонными голубыми глазами, яркими, как вода в глубоком озере в ясный солнечный день, скрывало какую-то горькую тайну, то и дело омрачаясь неприятными думами. О чем мог печалиться этот десятилетний ангел?

Не откладывая в долгий ящик, Никаноров попросил у хозяина дома разрешения написать портрет Лизы, получив отчего-то яростный запрет. Несколько дней Алексей мучился, думая, как его обойти, а потом сочинил отличный план, который, к его вящему удовольствию, сработал.

У Лизы был еще старший брат Петя, замкнутый, немного нервный мальчик двенадцати лет. Согласие на работу над его портретом, только не в ущерб своему собственному, адвокат Леонтьев дал. Лизу же Никаноров писал «подпольно», практически по памяти. Иногда он мог наблюдать за девочкой, когда она приходила к своему излюбленному

месту на берегу, тому самому, где он впервые ее увидел. Но просить Лизу позировать не мог.

Именно этот портрет он считал своей главной художественной удачей. Ему удалось запечатлеть на полотне тот особый Лизин взгляд, в котором крылись смятение, тревога, почти мука, тут же сменяющаяся полной безмятежностью. Разгадать тайну этого взгляда он так и не смог, потому что тот их первый разговор так и остался последним. Гавриил Павлович тщательно оберегал свою племянницу, категорически запретив ей приближаться к гостящему в доме художнику.

На готовые портреты Гавриила Павловича и Пети Никаноров поставил свою авторскую подпись, а вот тайный Лизин портрет так и оставил без сигнатуры, чтобы не выдать себя ненароком. Первые две работы остались заказчику, а третью картину Алексей увез в Москву, на память о лете, проведенном в доме Леонтьева, и об удивительной девочке, отчего-то запавшей ему в душу.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Картина манила к себе. На первый взгляд в ней не было ничего необычного: просто портрет белокурой девочки лет десяти. Однако она притягивала внимание, словно магнит. Казалось, что изображенная на полотне девочка следит за тобой, где бы ты ни находилась. По крайней мере, Елене из разных уголков антикварного салона чудилось именно это.

Она подошла к полотну уже то ли в третий, то ли в четвертый раз. Елена Золотарева была хорошим искусствоведом, директором областной картинной галереи, а потому пыталась разгадать секрет подобной притягательности. С художественной точки зрения картина выполнена качественно, но не шедевр мировой живописи, прямо скажем. Портрет вызывал у нее профессиональный интерес.

Таилось в нем что-то особенное, мало поддающееся логическому анализу. В картине, к которой она раз за разом возвращалась, не было ни загадочной улыбки Моны Лизы, ни глубины эмоций, переданной через пространство и цвет Винсентом Ван Гогом в его знаменитой «Звездной ночи», ни интриги «Тайной вечери» Леонардо да Винчи, ни страстного слияния героев в «Танго» Эдуарда Мане.

И все-таки изображение девочки создавало едва осязаемую атмосферу страха. И дело, пожалуй, было в ее глазах: голубых, с синеватым отливом, наивных и полных боли одновременно. Пожалуй, эта картина кисти неизвестного автора содержала какую-то загадку, оттого и не отпускала, заставляя разгадывать ее снова и снова.

Лена отступила на шаг и бросила еще один внимательный, оценивающий взгляд на полотно. К ней подошел муж, закончивший знакомство с антикварной лавкой, в которую они зашли, гуляя по микрорайону, где им предстояло провести ближайшие три дня.

Район этот не простой, а самый что ни на есть знаменитый московский Сокол, или Поселок художников, про который они слышали, разумеется, немало, а вот побывать довелось только сейчас. Эдуард Киреев, коллега и добрый друг Лениного мужа Виктора Дорошина, недавно купил здесь дом и именно в нем после закончившегося наконец ремонта решил широко отметить свой пятидесятилетний юбилей.

Собственно день рождения в узком кругу семьи прошел еще на прошлой неделе. А на завтра намечался большой светский прием, на который пригласили два десятка гостей.

Киреев и слышать не захотел, чтобы Дорошин с женой остановились в каком-нибудь отеле поблизости, уверяя, что в доме полно места. Приехав туда сегодня утром, и Виктор, и Лена убедились, что это действительно так. Утопавший в густой зелени дом оказался таким вместительным, что разместить в нем с комфортом можно было десять гостей.

Трехэтажный, разделенный на зоны, он был построен довольно давно, но основательно и качественно, так что

после покупки нуждался лишь в косметическом, а не в капитальном ремонте. За центральными воротами располагалась парковка, вмещающая не менее четырех автомобилей. От нее по дорожке, проложенной мимо яблоневого сада, сейчас всюю цветущего, можно пройти к парадному крыльцу. Слева от входа располагался хозяйственный блок, оснащенный газовым и электрическим котлом, водоочистой станцией и прочими вполне современными устройствами для поддержания комфорта.

На первом этаже находились кухня-столовая, гостиная с камином, кабинет Эдика, часто работающего дома, совмещенный санузел и две гостевые спальни. На втором этаже располагались хозяйская спальня с ванной и гардеробной и еще несколько гостевых комнат, одну из которых и отвели Виктору с Еленой. На третьем, мансардном этаже бывшие хозяева установили телескоп, с помощью которого можно наблюдать за звездным небом. Здесь же располагалась обширная Эдикова библиотека и стояли мягкие кожаные кресла и диваны, при необходимости трансформирующиеся в полноценные спальные места.

С первого этажа через стеклянный переход, превращенный в зимний сад, можно попасть во вторую часть дома. Всю ее занимала большая комната в два этажа с окном во всю стену. Дом был построен художником, обустроившим в этом помещении свою мастерскую, наполненную воздухом и светом. Киреев же использовал ее в качестве галереи, развесив принадлежащие ему произведения живописи. Непревзойденный эксперт во всем, что касалось мирового искусства, он собрал довольно неплохую коллекцию картин, которую и Дорошин, и Лена уже успели оценить.

На уровне второго этажа комнату огибала не очень широкая, но достаточно просторная круговая эмпора, где тоже висели картины. На правой, более широкой половине стояли мягкие кресла для бесед, не предназначенных для посторонних ушей. На левую, более узкую, выходили две двери, ведущие в еще две небольшие спальни. Натурщицы тут раньше переодевались, что ли?

Лена заметила, что комнаты эти вызвали у мужа какой-то особый интерес. По крайней мере, она видела, как он несколько растерянно озирается, словно пытаясь что-то понять. Но жена Эдика Таня позвала их завтракать, и они вернулись в основную часть дома, а после чая отправились гулять по окрестностям, знакомясь с местными достопримечательностями и не путаясь под ногами хозяев, ожидающих приезда других гостей.

Поселок художников вызывал у Лены живой интерес. Уже больше ста лет он разительно отличался от привычных районов столицы, причем так было и в сталинские времена, и в хрущевскую оттепель, и в брежневский застой, и в горбачевскую перестройку, и в «лихие девяностые», и нынче. Отличие бросалось в глаза во всем: от застройки до образа жизни. Ни тебе «сталинок», ни хрущевок, ни современных небоскребов из стекла и бетона. Отдельные особняки – от старинных до современных. И особая тишина, словно в пятистах метрах и не живет, дышит, работает, отдыхает огромный мегаполис.

Готовясь к поездке, Лена освежила в памяти все, что знала про реализованную здесь концепцию города-сада. Градостроительная задумка изначально сочетала в себе свободную планировку, необычные пространственные решения, а также вписывала строящиеся жилища в окру-

жающую среду, опираясь на новаторские в те времена идеи философа Павла Флоренского и художника-графика Владимира Фаворского.

Самая широкая в поселке улица носила имя художника Поленова. Проходя через главную площадь, она резко ломалась под острым углом, что порождало иллюзию бесконечности. На этот же эффект работала и «лестница Микеланджело», то есть искусственное сужение улицы, удлиняющее ее в перспективе, и торцы домов, построенные специально без окон.

С самого начала в поселке было не найти двух одинаковых домов. Какие-то строились в виде сторожевых башен, иные — в стиле северного деревянного зодчества, один из домов имитировал русскую избу, другой представлял собой коттедж с нарядными окнами, третий — крепость, огражденную зубчатыми стенами. Все это позволяло на небольшой территории в двадцать один гектар создать иллюзию огромного, даже величественного пространства.

— Удивительно, что в советские времена построили что-то подобное, — задумчиво сказал Дорошин, когда они не спеша брели по утопающим в зелени улочкам.

— Концепция «города-сада» оказалась крайне популярна в начале двадцатого века, — тут же откликнулась Лена. — Сама идея сочетания плюсов городской и деревенской жизни опубликована в книге английского социолога-утописта Эбенизера Говарда в 1898 году. Спустя пять лет задумка дошла до Москвы, где стали планировать строительство первого такого района на Ходынском поле. Однако несколько российских революций перечеркнули эти планы, и возродились они только в градостроительных

документах 1920-х годов. Советские градостроители предложили застроить московские окраины типовыми малоэтажными поселками, в каждом из которых будет своя развита инфраструктура: детские сады, клубы, библиотеки.

– Прямо как сейчас, – улыбнулся муж. – Все современные жилые комплексы строятся по такому принципу. Правда, они не малоэтажные, а «муравейниковые», но сути это не меняет.

– Еще как меняет, – улыбнулась Лена. – «Муравейники» и комфорт – понятия несовместимые, а тут смотри, как хорошо. Уверена, что и сто лет назад так было.

Они не спеша пошли дальше, и Лена все вертела головой, представляя, как здесь все выглядело в первые годы советской власти, когда население Москвы росло быстрее, чем возводилось жилье. В 1921 году Ленин подписал декрет о кооперативном жилищном строительстве, которое давало участникам кооператива право на застройку принадлежащих городу земельных участков.

Жилищно-строительный кооператив «Сокол» образовался первым, и произошло это в марте 1923 года. Во владение кооператива перешел земельный участок в селе Всехсвятское. Его членов обязали возвести за семь лет не менее двухсот домов. Вступительный паевой взнос равнялся шестидесяти золотым червонцам, стоимость готового дома можно было внести частями в течение нескольких лет. Она составляла около шестисот червонцев, что, по меркам тех лет, было довольно ощутимой суммой.

Понятно, что голытьба и пролетарии всех мастей претендовать на участие в подобном строительстве не могли. И первыми застройщиками «Сокола» стали сотрудники наркоматов, а также творческая интеллигенция: архитекторы,